
ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не думал, что когда-нибудь опубликую эту книгу, потому что наивно полагал, что после распада Союза советское прошлое Грузии останется лишь горьким воспоминанием. Но, оказывается, прошлому свойственно возвращаться, особенно когда мы сами никак не можем с ним расстаться.

Мы распрощались только с тем временем, но не с мышлением страны, которую называли империей зла и в которой добро встречалось так редко. В сверхдержаве, которая первой покорила космос, не смогли сшить джинсы... Что может быть добрее и безобиднее джинсов? В Советском Союзе действительно не освоили их пошива, чему нашли самый невероятный выход: джинсы попросту запретили.

Вожделенные, как и свобода, запрещенные джинсы оказались слаще запретного плода, и советские люди стремились обрести их любым, даже не совсем законным путем. Среди джинсов, ввезенных из разных стран, иногда даже можно было найти настоящие! В то время в Грузии многие считали, что настоящие джинсы (да и вообще все настоящее) обязательно должны были быть американскими, ведь советская пропаганда яростнее всего боролась именно с Соединенными Штатами. Идеология Москвы (с особым рвением) противостояла американским ценностям (в том числе и джинсам), и советские люди наивно полагали, что там, где джинсы, — там и счастье.

А там, где не было джинсов, не было и понятия собственности как основы независимости — свободным можно было стать, только сойдя в могилу. Вернее, твоя личная свобода лишь тогда не беспокоила советскую власть, когда ты уже покоился в земле, и поэтому, в отличие от других видов собственности, могилы не отбирали. Советские атеисты прекрасно знали, что рано или поздно они тоже будут преданы земле, и проявляли к ней лояльность, более того, они почитали усопших так же, как и все остальные люди.

Может, существовала и другая причина, но факт остается фактом — могильная земля была единственной формой собственности, которую советская власть отдавала народу без сожаления, с этого и началась деградация советских грузин. Тогда, в советский период, даже вкус у грузин изменился, и люди утратили чувство меры: раз единственным, что составляет их собственность, были могилы, они стали создавать надгробия, каких никогда прежде не было. До того грузинские могилы были просты до гениальности, но в советской Грузии изменилось отношение не только к могилам, но и к самой смерти: так на могилах появились мраморные скамейки, столы и даже мотоциклы и автомобили. И хотя эти автомобили владельцы при жизни оформляли на чужое имя, советский грузин точно знал, что, в отличие от всего остального, могильная земля будет его неотъемлемой собственностью, на которую никто и никогда уже не посягнет. Поэтому за ней ухаживали, украшали (каждый по своему разумению), обустроивая ту единственную собственность, которой владели. Это было время, когда запрещалось «самовольное строительство»: даже простую стену никто не мог сложить — ни в своем доме, ни во

дворе. Но на кладбище советская власть ничему не препятствовала: на могиле можно было хоть дворец возвести, никто и слова бы не сказал, потому что эта земля была землей освобождения, и могила была единственным местом в советской Грузии, на которую не распространялась советская власть.

У власти тоже были грузины. Они (тогда) больше любили мертвых, чем живых, почитали их больше, чем живых, но для того, чтобы человеку была гарантирована собственная могила, все же существовало одно советское правило — надо было умереть своей смертью. Если убивали они (для этого в Советском Союзе обычно прибегали к расстрелам), то нечего было на это и надеяться: по их логике, расстрелянному могилы не полагалось, лишь грузинская земля, в которой тебя обязательно бы похоронили, но могилы как таковой не было бы. Соединился бы ты с грузинской землей где-нибудь подальше от города, швырнули бы тебя в вырытую яму так, чтобы никто этого не видел (даже случайно) и никогда не узнал бы, что на этом поле, под этой травой, покоятся сотни расстрелянных. И даже те, кто рыл эту яму (не могилу, просто яму), уже на следующий день не

смогли бы найти и узнать место, куда сбросили тебя накануне ночью. Но иногда так же невозможно понять человека, как невозможно понять Вселенную, столь же огромную, как то поле, где спустя двадцать лет один из могильщиков все же нашел свою жертву.

Он не был убийцей, он был просто могильщиком — если бы он был убийцей, то не запомнил бы, а сразу забыл бы это место. А он точно запомнил ту траву, под которой должен был покоиться Гега Кобахидзе. Голоса травы Трумена Капоте никогда не помогут найти вырытую двадцать лет назад могилу, и никогда ни один из могильщиков Шекспира или Галактиона не стал бы никого оплакивать. Впрочем, он и не плакал, он просто рыл могилу, рыл той холодной ноябрьской ночью и при свете луны запоминал тайну, которую через пятнадцать лет шепотом поведал матери Геги Кобахидзе. Мать Геги, Нателла Мачавариани, которой за эти годы уже не раз шепотом клялись, что точно знают, где сейчас ее сын, сразу поняла, что вот этот человек действительно что-то знает.

Он просто не мог не знать — у него не было лица, вообще не было, не было из-за того, что он видел. Его лицо было скрыто отражениями воспринятой